

И мы очутились в 19-м веке ...

Андрианов Г.

325 ТЫСЯЧ таганрожцев и гостей нашего города побывало в этом доме на углу улицы Свердлова и Гоголевского переулка — в «Лавке Чеховых» за три года со дня открытия здесь филиала Литературного музея А. П. Чехова. Так что описывать подробно угловую комнату на первом этаже, где была сама лавка Павла Егоровича Чехова, вряд ли необходимо.

Скажем только, что благодаря неустанному собирательству небольшого коллектива сотрудников этого мемориала при всемерной помощи старожилов вашего города комната эта с наивозможной точностью отвечает характеристике, данной ей одним из старших братьев Чеховых, Александром: «И весь этот содом, этот хаос ютился на очень небольшом пространстве обыкновенного лавочного помещения с полками по стенам».

...Полдень 28 января. Солнце, редкое нынче, сияет бликами на полу, на гирьках весов, на боках самовара, на пузатеньких бутылках с этикетками «Сантуринское старое И. И. Мусури». В них не подкрашенная водичка, а подлинное сантуринское вино, восстановленное по рецепту, добытому в небольшом городке за Ростовом. Они стоят вперемешку с шкаликами, будто ожидая хозяина и покупателей.

Что почувствовали бы вы, войдя в эту комнату и увидев их — прямо из столетней давности? Услышали их голоса, увидели глаза, ощутили шаги — в нескольких сантиметрах от скамейки, на которой вы сидите?

Наверное, то же, что испытывали мы, два десятка зрителей спектакля «Жизнь, которой трудно подобрать название» по рассказам Антона Павловича Чехова, подготовленного в честь 121-й годовщины со дня его рождения коллективом театра его имени. Накануне этот спектакль прошел в Доме работников просвещения и, говорят, с успехом. Но здесь это было совсем другое, чему действительно трудно подобрать название.

Когда затворились ставни и комнатой овладел полумрак, освещаемый лишь полуоплывшими кривоватыми свечами в коротких подсвечниках и лампадой под крохотными иконками, нечто необъяснимое оковало нас, и, кажется, остались только неслышное дыхание и глаза, чтобы смотреть. И не чеховские герои из рассказов «Надлежащие меры», «Невидимые миру слезы», «Шампанское», «Братец» и «Осенью» пришли к нам, а мы вдруг почувствовали себя пришельцами, заброшенными сюда неведомой силой, подобной «машине времени:» фантастов. Это необычное состояние, которое просто не с чем сравнить, все усиливалось от того, что мы видели.

Посудите сами: можно ли «играть» лавочника в подлинной лавке, где в раскрытых мешках желтеют крупы — самые настоящие, в мешочке белеет непривычно крупными кристаллами соль, доставленная из Крыма, как и в те времена, а на полках лежат пучки засушенных лекарственных трав, источающих чуть уловимые запахи?

Потому Д. Феденко не играл лавочника Ошейникова, а был сейчас им — так блестели глаза то ледяной жестокостью, то — сочувствием, то гневом, то страхом на желтоватом от свечей ладе с чахлой бородкой. А когда Ошейников, слушая исповедь забредшего в поисках рюмочки горемыки, оказался меж чашек рычажных весов, подвешенных к потолку, и являл собой невольно образ богини правосудия Фемиды, только потом подумалось, что это могло быть счастливо найдено на репетициях.

Люди приходили сюда — кто за нем — и оставались тут. Чай стыл в чашке, забывалось вино в стакане, потому что тоска жгла сильнее жажды и похмелья, хотелось излиться душой — пусть даже перед Ошейниковым... Так было в рассказах, так было и в жизни: лавка Чеховых была и местом торговли, и складом, и клубом, где собирался разношерстный люд.

Всего сорок пять минут смотрели мы – на санитарную комиссию, с благодушной, прямо-таки обаятельной наглостью объедавшей и опивавшей на своем пути лавочников, в том числе Ошейникова (Л. Козловский, В. Рощин, В. Кравецкий); на Прохвоста, жалкого, полудичавшего, сующего отчаянно дранную шапку в обмен на рюмку водки, а потом золотой медальон (Г. Панарии). С какой самозабвенной нежностью смотрел он на ту, которая разорила его, погубила его жизнь и осталась крохотным портретом в медальоне, как просил Ошейникова не трогать это прелестное лживое лицо! И как страшно расширились его зрачки, когда он попросил дать в последний раз взглянуть на портрет, а тот был уже выковырен железным ногтем...

«Золото, золото, сердце народное!». Таким врезался в память мужичонка – вбежавший с мороза, покрасневший с долгой дороги (О. Лаппо). Вот признал он своего бывшего барина в этом сжавшемся в черный ком у прилавка Прохвосте, который и фамилию-то свою потерял, – и ругает его, и жалеет, и бьет шапкой о стол, не в силах помочь ему в этом «содоме и хаосе».

Присели на несколько минут к самовару девушка и ее брат (О. Чикалова и В. Коломак) – и вот уже другие судьбы, не менее печальные.

Жизнь есть жизнь. В спектакле должен был участвовать В. Гармашов, но болезнь помешала. Его роль – извозчика, человека непростой судьбы – передали П. Бондаренко, и тот за невозможно короткое время сделал все возможное. ...Гаснут свечи, отворяются ставни. Урчат за окнами машины. В лавке пусто, лишь солнечные зайчики, как сорок пять минут назад, нежатся на полу. Необычное, чудесное зрелище, рожденное совместным вдохновением чеховцев – Литературного музея и театра, их творческой фантазией и горячим патриотизмом, будет возвращаться сюда для посетителей «Лавки Чеховых». Придут в эту комнату таганрожцы, гости из других городов, других краев нашей Родины, из ближних и дальних стран – и переживут то, чему нельзя пока подобрать название. Потом появятся другие спектакли, о которых мечтают режиссер Л. Козловский, художник В. Палко, директор Литературного музея А. П. Чехова Е. Коноплева и ее коллеги. Где мы встретимся с новыми премьерами – в школе № 2, чьи стены помнят Антошу Чехонте, у домика ли, где он родился? Об этом уже думают. Будем ждать новых путешествий в девятнадцатый век.